

ЗИГМУНД
ФРЕЙД
ПСИХОПАТОЛОГИЯ
ОБЫДЕННОЙ
ЖИЗНИ

ПОВСЕДНЕВНАЯ · ЖИЗНЬ
ДАЕТ · НАМ · ПОНЯТЬ,
КАК · НЕПОЛНО ·
И · НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО
НАШЕ · ЗНАНИЕ

ВЕЛИКИЕ ИДЕИ

Зигмунд Фрейд
Психопатология обыденной жизни
Серия «Великие идеи»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=146721
Зигмунд Фрейд. Психопатология обыденной жизни: Просвещение; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-78220-8

Аннотация

Зигмунд Фрейд – знаменитый ученый, основатель психоанализа. Его новаторские идеи оказали огромное влияние на психологию и всю западную цивилизацию XX века. Среди крупнейших достижений: обоснование понятия «бессознательное», разработка теории эдипова комплекса, создание метода свободных ассоциаций и методики толкования сновидений.

«Психопатология обыденной жизни» – второе крупное исследование Зигмунда Фрейда. Эта работа по сей день не утратила своей актуальности, она включена в список ключевых книг по психоанализу.

Фундаментальное понятие этой научной работы – бессознательное: область, в которую вытесняются все подавляемые влечения и желания и которая не поддается контролю сознания. Неосознаваемые мотивы могут не только осложнять человеку жизнь, но нередко становятся причиной невротических расстройств, поэтому Фрейд предложил работать с ними, используя различные методики психоанализа.

Представленный в данном издании перевод «Психопатологии обыденной жизни» был выполнен В. Медемом в начале XX века. Его первая публикация состоялась еще при жизни Зигмунда Фрейда и с его разрешения.

Как и другие книги серии «Великие идеи», книга будет просто незаменима в библиотеке студентов гуманитарных специальностей, а также для желающих познакомиться с ключевыми произведениями и идеями мировой философии и культуры.

Содержание

Основатель психоанализа	5
Предисловие	6
Психопатология обыденной жизни[1]	7
I. Забывание собственных имен	7
II. Забывание иностранных слов	11
III. Забывание имен и словосочетаний	15
IV. О воспоминаниях детства и прикрывающих воспоминаниях	21
V. Обмолвки	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Зигмунд Фрейд

Психопатология обыденной жизни

Оригинал-макет подготовлен издательским центром «НОУФАН» nofunpublishing.com
valery@nofunpublishing.com +7 (903) 215-68-69

© ИП Сирота, текст, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Зигмунд Фрейд (1856–1939)

Основатель психоанализа

Зигмунд Фрейд – знаменитый ученый, основатель психоанализа. Его новаторские идеи оказали огромное влияние на психологию и всю западную цивилизацию XX века. Среди крупнейших достижений: обоснование понятия «бессознательное», разработка теории эдипова комплекса, создание метода свободных ассоциаций и методики толкования сновидений.

1856 – Зигмунд Фрейд родился в чешском городе Фрайберг в семье небогатого торговца.

1859 – После разорения семья переехала в Лейпциг, позднее – в Вену. Зигмунд был способным ребенком, он поступил в гимназию на год раньше срока.

1873 – Зигмунд Фрейд принят на медицинский факультет Венского университета.

1876 – Написал свою первую научную работу в Институте зоологических исследований Триеста.

1881 – Получил научную степень доктора. После этого начал работать в Венской городской больнице.

1885–1886 – Стажировался в Париже у известного врача-психиатра Жана Шарко, где занимался исследованием гипноза.

1886 – Фрейд вернулся в Вену, занялся частной практикой и женился на Марте Берней. В их семье родилось шестеро детей.

1895 – Опубликована совместная книга Зигмунда Фрейда и его коллеги Йозефа Брейера «Исследование истерии». Позже эту публикацию назвали «днем рождения психоанализа».

1899 – Фрейд закончил работу над «Толкованием сновидений». Его идеи начали приобретать популярность. В последующие десятилетия он написал множество книг и статей.

1938 – Из-за гонений на евреев Фрейд был вынужден переехать в Англию.

1939 – После нескольких лет борьбы с мучительной болезнью Зигмунд Фрейд скончался, приняв морфий.

Предисловие

«Психопатология обыденной жизни» – второе крупное исследование Зигмунда Фрейда, завершённое им в 1901 году и опубликованное в 1904-м. Книга 11 раз переиздавалась при жизни автора и неоднократно выходила в различных издательствах в наше время. Эта работа по сей день не утратила своей актуальности, она включена в список ключевых книг по психоанализу.

Книга составлена из эссе, большая часть которых появлялась в периодической печати, неизменно вызывая бурную реакцию как специалистов, так и читающей публики. Само название содержит провокационное сочетание слов: «психопатология» и «обыденная жизнь». Зигмунд Фрейд одним из первых стер грань между нормой и отклонением. «Мы все более или менее невротики», – писал он.

Фрейд утверждал, что ошибки, совершаемые человеком в речи и действиях (оговорки, описки, забывание слов, утеря вещей, ошибочно совершенные поступки), – это показатель неосознанных желаний. По его предположению, исследуя подобные действия, можно проникнуть в тайны бессознательного, разобраться в скрытых внутренних конфликтах и стремлениях человека, которые были подавлены.

Доказывая свою теорию, Фрейд приводит многочисленные примеры из собственной жизни и жизни своих друзей и близких. Он не обращается к случаям из своей врачебной практики, подчеркивая тем самым, что это книга об обычных людях, а не о пациентах психиатра.

Фундаментальное понятие этой научной работы – бессознательное: область, в которую вытесняются все подавляемые влечения и желания и которая не поддается контролю сознания. Неосознаваемые мотивы могут не только осложнять человеку жизнь, но нередко становятся причиной невротических расстройств, поэтому Фрейд предложил работать с ними, используя различные методики психоанализа.

Представленный в данном издании перевод «Психопатологии обыденной жизни» был выполнен В. Медемом в начале XX века. Его первая публикация состоялась еще при жизни Зигмунда Фрейда и с его разрешения.

Психопатология обыденной жизни¹

*Теперь весь воздух чарами кишит,
И этих чар никто не избежит.
И. В. Гёте «Фауст» (II часть, V акт)*

I. Забывание собственных имен

В 1898 г. я поместил в «Ежемесячнике психиатрии и неврологии» небольшую статью «К вопросу о психическом механизме забывчивости». Содержание этой статьи послужит исходной точкой настоящего изложения. В ней на примере, взятом из моей собственной жизни, я подверг психологическому анализу чрезвычайно распространенное явление – временное забывание собственных имен – и пришел к тому выводу, что этот весьма обыкновенный и не особо важный с практической точки зрения вид расстройства одной из психических функций (способности припоминания) допускает объяснение, выходящее далеко за пределы обычных взглядов.

Психолог, которому будет поставлен вопрос, чем объясняется эта столь часто наблюдаемая неспособность припомнить знакомое имя, ограничится скорее всего простым указанием на то, что собственные имена вообще способны легче ускользать из памяти, нежели всякий другой элемент нашего психического содержания. Он приведет ряд более или менее правдоподобных предположений, обосновывающих эту своеобразную особенность собственных имен. Но мысль о существовании иной причинной зависимости будет ему чужда.

Для меня лично поводом для более внимательного изучения данного феномена послужили некоторые частности, встречавшиеся если и не всегда, то все же в некоторых случаях обнаружившиеся с достаточной ясностью. Это было именно в тех случаях, когда наряду с *позабыванием* наблюдалось и *неверное припоминание*. Субъекту, силящемуся вспомнить ускользнувшее из его памяти имя, приходят в голову иные, *подставные*, имена, и если эти имена и опознаются сразу же как неверные, то они все же упорно возвращаются вновь с величайшей навязчивостью. Весь процесс, который должен вести к воспроизведению искомого имени, претерпевает как бы некоторый сдвиг и приводит к своего рода подмене.

Наблюдая это явление, я исхожу из того, что сдвиг этот отнюдь не является актом психического произвола, что он, напротив, совершается в закономерных и поддающихся научному учету рамках. Иными словами, я предполагаю, что «подставное» имя или имена стоят в известной, могущей быть вскрытой связи с искомым словом, и думаю, что если бы эту связь удалось обнаружить, этим самым был бы пролит свет и на сам феномен забывания имен. В том примере, на котором я построил свой анализ в указанной выше статье, было забыто имя художника, написавшего известные фрески в соборе итальянского городка Орвието. Вместо искомого имени – Синьорелли – мне упорно приходили в голову два других – Боттичелли и Больтраффио. Эти два подставных имени я тотчас же отбросил как неверные, а когда мне было названо настоящее имя, я не задумываясь признал его. Я попытался установить, благодаря каким влияниям и путем каких ассоциаций воспроизведение этого имени претерпело подобного рода сдвиг (Боттичелли и Больтраффио вместо Синьорелли), и пришел к следующим результатам.

а) Причину того, почему имя Синьорелли ускользнуло из моей памяти, не следует искать ни в особенностях этого имени самого по себе, ни в психологическом характере той

¹ «Zur Psychopathologie des Alltagslebens», 1904, пер. В. Медема под ред. С. В. Черно.

комбинации, в которой оно должно было фигурировать. Само по себе имя это было мне известно не хуже, чем одно из подставных имен (Боттичелли) и несравненно лучше, нежели второе подставное имя – Больтраффио. Об этом последнем я не знал почти ничего, разве лишь то, что этот художник принадлежал к миланской школе. Что же касается контекста, в котором находилось данное имя, то он носил ничего не значащий характер и не давал никаких нитей для выяснения вопроса: мы ехали верхами с одним чужим для меня господином из Рагузы (в Далмации) в Герцеговину; мы заговорили о путешествиях по Италии, и я спросил моего спутника, был ли он уже в Орвието и видел ли знаменитые фрески... NN.

б) Объяснить исчезновение из моей памяти этого имени мне удалось лишь после того, как я восстановил тему, непосредственно предшествовавшую данному разговору. И тогда весь феномен предстал предо мной, как процесс *вторжения* этой предшествовавшей темы в тему дальнейшего разговора и *нарушения* этой последней. Непосредственно перед тем как спросить моего спутника, был ли он уже в Орвието, я беседовал с ним о нравах и обычаях турок, живущих в Боснии и Герцеговине. Я рассказал со слов одного моего коллеги, практиковавшего в их среде, о том, с каким глубоким доверием они относятся к врачу и с какой покорностью преклоняются пред судьбой. Когда сообщал им, что больной безнадежен, они отвечают: «Господин, о чем тут говорить? Я знаю, что если бы его можно было спасти, ты бы спас его». Здесь, в этом разговоре, мы уже встречаем такие слова и имена – Босния и Герцеговина (*Herzegovina*), господин (*Herr*), – которые поддаются включению в ассоциативную цепь, связывающую между собою имена *Signorelli* (*signor* – господин), Боттичелли и Больтраффио.

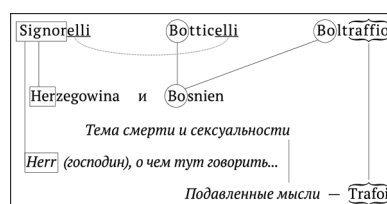
*«Бессознательные мысли находят себе выражение необычным путем,
посредством внешних ассоциаций, в форме модификации других мыслей»*

в) Я полагаю, что мысль о нравах боснийских турок оказалась способной нарушить течение следующей мысли благодаря тому, что я отвлёк от нее свое внимание прежде, чем додумал ее до конца. Дело в том, что я хотел было рассказать моему собеседнику еще один случай, связанный в моей памяти с первым. Боснийские турки ценят выше всего на свете половое наслаждение и в случаях заболеваний, делающих его невозможным, впадают в отчаяние, резко контрастирующее с их фаталистическим равнодушием к смерти. Один из пациентов моего коллеги сказал ему однажды: «Ты знаешь, господин (*Herr*), если лишиться этого, то жизнь теряет всякую цену». Я воздержался от сообщения об этой характерной черте, не желая касаться в разговоре с чужим человеком несколько щекотливой темы. Но я сделал при этом еще нечто большее: я отклонил свое внимание и от дальнейшего развития тех мыслей, которые готовы были у меня возникнуть в связи с темой «смерть и сексуальность». Я находился в то время под впечатлением известия, полученного несколькими неделями раньше, во время моего пребывания в местечке *Trafoi*: один из моих пациентов, на лечение которого я потратил много труда, покончил с собой вследствие неизлечимой половой болезни. Я точно знаю, что во время моей поездки в Герцеговину это печальное известие и все то, что было с ним связано, не всплывало в моем сознании. Но совпадение звуков *Trafoi* – *Boltraffio* заставляет меня предположить, что в этот момент, несмотря на то, что я намеренно направил свое внимание в другую сторону, данное воспоминание все же оказало свое действие.

г) После всего сказанного я уже не могу рассматривать исчезновение из моей памяти имени Синьорелли как простую случайность. Я должен признать здесь наличность известного *мотива*. Имелись известные мотивы, побудившие меня прервать рассказ о нравах турок; они же побудили меня отгородить от моего сознания связанные с этим рассказом мысли, ассоциировавшиеся в свою очередь с известием, полученным мною в *Trafoi*. Я хотел таким образом нечто позабыть и вытеснил это нечто из памяти. Конечно, я хотел позабыть не имя художника из Орвието, а нечто другое, но этому другому удалось ассоциативно свя-

заться с этим именем; так что мой волевой акт попал мимо цели, и в то время, как намеренно я хотел забыть одну вещь, невольно я забыл другую. Нежелание вспомнить направлялось против одного; неспособность вспомнить обнаружилась на другом. Конечно, проще было бы, если бы и нежелание, и неспособность сказались на одном и том же объекте. С этой точки зрения подставные имена представляются мне уже не столь произвольными. Они создают известного рода компромисс: напоминают и о том, что я хотел вспомнить, и том, что я позабыл: они показывают таким образом, что мое намерение позабыть нечто не увенчалось ни полным успехом, ни полной неудачей.

д) Весьма очевидна та связь, которая установилась между искомым именем и вытесненной темой «смерть и сексуальность». Имена *Босния*, *Герцеговина* и *Trafoi* относятся к ней же. Предлагаемая схема пояснит эту связь.

Имя *Signorelli* разложилось при этом на две части. Последние два слога (-elli) воспроизведены в одном из подставных имен без изменений (*Botticelli*), первые же два подверглись переводу с итальянского языка на немецкий (*signor* – *Herr*), вступили в этом виде в целый ряд сочетаний с тем словом, которое фигурировало в вытесненной теме (*Herr*, *Herzegowina*), и благодаря этому оказались также вытесненными из памяти. Замена их произошла так, как будто было сделано передвижение вдоль по словосочетанию «Герцеговина и Босния», причем передвижение это совершилось независимо от смысла этих слов и от звукового разграничения отдельных слогов. Отдельные части фразы механически рассекались подобно тому, как это делается при построении ребуса. Весь этот процесс, в результате которого имя *Синьорелли* заменилось двумя другими, протекал всецело вне сознания. За вычетом совпадений одних и тех же слогов (или, точнее, сочетаний букв) никакой иной связи, которая объединяла бы обе темы – вытесненную и следующую, – установить на первых порах не удалось.

Быть может, нелишне будет заметить, что приведенное выше объяснение не противоречит обычному у психологов взгляду на акт воспроизведения и позабывания как обусловленный известным соотношением и расположением психических элементов. Мы лишь присоединили к этим обычным, давно признанным, моментам для некоторых случаев еще один момент – *мотив*; и кроме того, выяснили механизм неправильного припоминания. Что же касается до того «расположения», о котором говорится обычно, то оно необходимо и в нашем случае, ибо иначе вытесненный элемент вообще не мог бы вступить в ассоциативную связь с искомым именем и тем самым вовлечь его в круг вытесняемого. Быть может, если бы дело шло о каком-либо другом имени, более приспособленном для воспроизведения, это явление и не имело бы места. Ибо вполне вероятно, что подавленный элемент постоянно стремится каким-либо иным путем пробиться наружу, но удастся это ему лишь там, где имеются соответствующие благоприятные условия. С другой стороны, подавление может произойти и без функционального расстройства или, как мы могли бы с полным правом сказать, без *симптомов*.

Сводя воедино все те условия, при которых забываются и неправильно воспроизводятся имена, мы получим: 1) определенное расположение, благоприятное для позабывания; 2) подавление, имевшее место недавно, и 3) возможность установить внешнюю ассоциативную связь между соответствующим именем и подавленным элементом. Впрочем,

этому последнему условию вряд ли приходится приписывать особое значение, ибо требования, предъявляемые к ассоциативной связи, столь невелики, что установить ее можно в большинстве случаев. Другой вопрос – и вопрос более глубокий – это действительно ли достаточно одной внешней ассоциации для того, чтобы вытесненный элемент мог помешать воспроизведению искомого имени, и не требуется ли иной, более интимной связи между обеими темами. При поверхностном наблюдении это последнее требование кажется излишним, и простая смежность во времени, не предполагающая внутренней связи, представляется достаточной. Однако при более внимательном изучении все чаще оказывается, что связанные внешней ассоциацией элементы обладают кроме того некоторой связью и по своему содержанию, и в нашем примере с именем *Синьорелли* также можно вскрыть подобную связь.

«Большинство людей в действительности не хотят свободы, потому что она предполагает ответственность, а ответственность большинство людей страшит»

Ценность тех выводов, к которым мы пришли в результате нашего анализа, зависит, конечно, от того, является ли данный пример (*Синьорелли*) типичным или единичным. Я, со своей стороны, утверждаю, что процесс позабывания и неправильного воспроизведения имен совершается сплошь и рядом именно так, как в данном случае. Почти каждый раз, как мне случалось наблюдать это явление на себе самом, я имел возможность объяснить его именно указанным образом: как акт, мотивированный вытеснением. Должен указать и еще на одно соображение, подтверждающее типический характер нашего наблюдения. Я думаю, что нет основания делать принципиальное различие между теми случаями позабывания, когда оно связано с неправильным воспроизведением имен, и простым позабыванием, не сопровождающимся подставными именами. В ряде случаев эти подставные имена всплывают самопроизвольно; в других случаях их можно вызвать напряжением внимания, и тогда они обнаруживают такую же связь с вытесненным элементом и искомым именем, как и при самопроизвольном появлении. Решающее значение в этом процессе всплывания имеют, по-видимому, два момента: напряжение внимания с одной стороны, а с другой – некоторое внутреннее условие, относящееся уже к свойствам самого психического материала (это, возможно, та степень легкости, с какой создается между обоими элементами необходимая внешняя ассоциация). Таким образом, немалое количество случаев простого позабывания без подставных имен можно отнести к тому же разряду, для которого типичен пример *Синьорелли*. Я не решусь утверждать, что к этому разряду могут быть отнесены все случаи забывания имен. Но думаю, что буду достаточно осторожен, если, резюмируя свои наблюдения, скажу: *наряду с обыкновенным забыванием собственных имен встречаются и случаи забывания мотивированного, причем мотивом служит вытеснение.*

II. Забывание иностранных слов

Слова, обычно употребляемые в нашем родном языке, по-видимому, защищены от забывания в условиях нормального функционирования памяти. Иначе, как известно, обстоит дело со словами иностранными. Предрасположение к их позабыванию существует в отношении всех частей речи, и первая ступень функционального расстройства сказывается в неравномерности нашей готовности использовать иностранные слова в зависимости от нашего общего состояния и от степени усталости. Позабывание это происходит в ряде случаев путем того же механизма, который был раскрыт нами в примере *Синьорелли*. Чтобы доказать это, я приведу анализ всего только одного, но имеющего ценные особенности случая, когда забыто было иностранное слово (не существительное) из латинской цитаты. Позволю себе изложить этот небольшой эпизод подробно и наглядно.

Прошлым летом я возобновил – опять-таки во время вакационного путешествия – знакомство с одним университетски образованным молодым человеком, который, как я вскоре заметил, читал некоторые мои психологические работы. В разговоре мы коснулись – не помню уже почему – социального положения той народности, к которой мы оба принадлежим, и он, как человек честолобивый, стал жаловаться на то, что его поколение обречено, как он выразился, «на захирение», не может развивать своих талантов и удовлетворять свои потребности. Он закончил свою страстную речь известным стихом из Виргилия, в котором несчастная Дидона завещает грядущим поколениям отмщение Энею:

«*Exoriare...*» и так далее². Вернее, он *хотел* так закончить, ибо восстановить цитату ему не удалось, и он попытался замаскировать явный пропуск при помощи перестановки слов: «*Exoriar(e)... ex nostris ossibus ultor!*». В конце концов, он с досадой сказал мне: «Пожалуйста, не стройте такого насмешливого лица, словно бы вы наслаждались моим смущением; лучше помогите мне. В стихе чего-то не хватает. Как он собственно гласит в полном виде?» – «Охотно, – ответил я, и процитировал подлинный текст, – *Exoriar(e) aliquis nostris ex ossibus ultor!*» – «Как глупо позабыть такое слово! Впрочем, вы ведь утверждаете, что ничего не забывается без основания. В высшей степени интересно было бы знать, каким образом я умудрился забыть это неопределенное местоимение *aliquis*».

Я охотно принял вызов, надеясь получить новый вклад в свою коллекцию. «Сейчас мы это узнаем, – сказал я ему, – Я должен вас только просить сообщить мне *откровенно*, не *анализируя*, все, что вам придет в голову, как только вы без какого-либо определенного намерения сосредоточите свое внимание на позабытом слове³. – «Хорошо. Мне приходит в голову курьезная мысль расчленить слово следующим образом: *a-* и – *liquis*». – «Зачем?» – «Не знаю». – «Что вам приходит дальше на ум?» – «Дальше идет так: *реликвии, ликвидация, жидкость, флюид...* Дознались вы уже до чего-нибудь?» – «Нет, далеко еще, продолжайте». – «Я думаю, – продолжал он с ироническим смехом, – о *Симоне Трентском*⁴, реликвии которого я видел два года тому назад в одной церкви в Тренте. Я думаю об обвинении в употреблении христианской крови, выдвигаемом как раз теперь против евреев, и о книге *Kleinpaul*'я, который во всех этих якобы жертвах видит новые воплощения, так сказать новые издания,

² «*Ēxoriâr(e) aliqñs nostris ex ossibus ũltor*» (Вергилий, «Энеида», лат.) – «Да возникнет из наших костей какой-нибудь мститель» – слова основательницы Карфагена Дидоны, покинутой античным героем Энеем – прародителем основателей Рима. По легенде, с этого проклятья Дидоны началась вражда Карфагена и Рима. – *Прим ред.*

³ Это обычный путь, чтобы довести до сознания скрытые от него элементы представлений. – *Прим. авт.*

⁴ Симон Трентский – двухлетний мальчик из города Трент в Южном Тироле (ныне на территории Италии), в исчезновении и ритуальном убийстве которого в 1475 г. обвинили глав местной еврейской общины, после чего последовала кровавая расправа над евреями. В 1588 г. Симон был причислен к лику святых папой Сикстом V. В 1758 г. трентская еврейская община была реабилитирована, а в 1965 г. Католическая Церковь отменила и культ Симона Трентского. – *Прим. ред.*

Христа». – «Эта мысль не совсем чужда той теме, о которой мы с вами беседовали, когда вы позабыли латинское слово». – «Верно. Я думаю, далее, о статье в итальянском журнале, который я недавно читал. Помнится, она была озаглавлена „Что говорит *святой Августин* о женщинах?“ Что вы с этим сделаете?» – «Я жду». – «Ну, теперь идет нечто такое, что уже наверняка не имеет никакого отношения к нашей теме». – «Пожалуйста, воздержитесь от анализа». – «Да, я уже понял... Мне вспоминается чудесный старый господин, с которым я встретился в пути на прошлой неделе. Настоящий *оригинал*. Имеет вид большой хищной птицы. Его зовут, если хотите знать, *Бенедикт*». – «Получаем, по крайней мере, сопоставление святых и отцов церкви: святой Симон, святой Августин, святой Бенедикт. Одного из отцов церкви, кажется, звали *Оригин*. Три имени из перечисленных встречаются и в наше время, равно как и имя *Paul* (Павел) в имени *Kleinpaul*». – «Теперь мне вспоминается *святой Януарий* и его чудо с кровью; но мне кажется, что это идет дальше уже чисто механически!» – «Оставьте. И святой Януарий, и святой Августин имеют оба отношение к календарю. Не напомним ли вы мне, в чем состояло чудо с кровью святого Януария?» – «Вы, наверное, знаете это. В одной церкви в Неаполе хранится в склянке кровь святого Януария, которая в определенный праздник чудесным образом становится вновь *жидкой*. Народ чрезвычайно дорожит этим чудом и приходит в сильное возбуждение, если оно почему-либо медлит случиться, как это и было однажды во время французской оккупации⁵. Тогда командующий генерал – или, может быть, это был Гарибальди? – отвел в сторону священника и, весьма выразительным жестом указывая на выстроенных на улице солдат, сказал, что он *надеется*, что чудо вскоре совершится...» – «Ну, дальше? Почему вы запнулись?» – «Теперь мне действительно пришло нечто в голову... Но это слишком интимно для того, чтобы я мог рассказать... К тому же я не вижу никакой связи и никакой надобности рассказывать об этом». – «О связи уже я позабочусь. Я, конечно, не могу заставить вас рассказывать мне неприятные для вас вещи; но тогда уже и вы не требуйте от меня, чтобы я вам объяснил, каким образом, вы забыли слово *aliquis*». – «В самом деле? Вы так думаете? Ну так я внезапно подумал об одной даме, от которой я могу получить известие, очень неприятное для нас обоих». – «О том, что у нее не наступило месячное нездоровье?» – «Как вы могли это отгадать?» – «Теперь это уже не трудно, вы меня достаточно подготовили. Подумайте только о календарных святых, о переходе крови в жидкое состояние в определенный день, о возмущении, которое вспыхивает, если событие не происходит, и недвусмысленной угрозе, что чудо должно совершиться, не то... Вы сделали из чуда святого Януария прекрасный намек на нездоровье вашей знакомой». – «Сам того не зная. И вы в самом деле думаете, что из-за этого тревожного ожидания я был не в состоянии воспроизвести словечко *aliquis*?» – «Мне представляется это совершенно несомненным. Вспомните только ваше расчленение *a-liquis*⁶ и дальнейшие ассоциации: реликвии, ликвидации, жидкость... Я мог бы еще включить в комбинацию принесенного в жертву еще *ребенком* святого Симона, о котором вы подумали в связи со словом *реликвии*». – «Нет, уже не надо. Я надеюсь, что вы не примите всерьез этих мыслей, если даже они и появились у меня действительно. Зато я должен вам признаться, что дама, о которой идет речь, – итальянка, и что это в её обществе я посетил Неаполь. Но разве все это не может быть чистой случайностью?» – «Можно ли это объяснить случайностью, – я предоставляю судить вам самому. Должен только сказать, что всякий аналогичный случай, подвергнутый анализу, приведет вас к столь же замечательным „случайностям“».

Целый ряд причин заставляет меня высоко ценить этот маленький анализ, за который я должен быть благодарен моему тогдашнему спутнику. Во-первых, я имел возмож-

⁵ Описывается случай при захвате Неаполя французами под командованием генерала Жана Шампийонне (1762–1800). Генерал потребовал внеочередного чуда и, разумеется, получил его. – *Прим. ред.*

⁶ *Aliquis* (лат.) – *a-* – отрицание; *liquid* – жидкость, жидкий. Таким образом, *a-liquis* ассоциируется с отсутствием жидкости. – *Прим. ред.*

ность в данном случае пользоваться таким источником, к которому обычно не имею доступа. По большей части мне приходится добывать примеры нарушения психических функций в обыденной жизни путем наблюдения за самим собой. Несравненно более богатый материал, доставляемый мне многими нервными больными пациентами, я стараюсь оставлять в стороне во избежание возражений, что данные феномены происходят в результате невроза и являются его проявлениями. Вот почему для моих целей особенно ценны те случаи, когда неврологически здоровый чужой человек соглашается быть объектом исследования. Приведенный анализ имеет для меня еще и другое значение: он освещает случай забвения, не сопровождающегося появлением подставных слов, и подтверждает установленный мной выше тезис, что факт появления или отсутствия подставных слов не может обуславливать существенного различия⁷.

Но главная ценность примера *aliquis* заключается в другой особенности, отличающей его от случая *Синьорелли*. В последнем примере воспроизведение имени было нарушено воздействием некоего хода мыслей, незадолго до того начавшегося и оборванного, но по своему содержанию не стоявшего ни в какой заметной связи с новой темой, заключавшей в себе имя *Синьорелли*. Между вытесненным элементом и темой забытого имени существовала лишь смежность по времени, но ее было достаточно для того, чтобы оба эти элемента связались один с другим путем внешней ассоциации⁸. Напротив, в примере *aliquis* нет и следа подобной независимой, вытесненной, темы, которая занимала бы непосредственно перед этим сознательное мышление и затем продолжала бы оказывать свое действие в качестве расстраивающего фактора. Расстройство репродукции⁹ исходит здесь изнутри самой темы в силу того, что против выраженного в цитате из Вергилия пожелания бессознательно заявляется протест. Процесс этот следует представить себе в следующем виде. Говоривший выразил сожаление по поводу того, что нынешнее поколение его народа ограничено в нравах; новое поколение, — предсказывает он вслед за Дидоной, — отомстит притеснителям. Он высказывает таким образом пожелание о потомстве. В этот момент сюда врзается противоречащая этому мысль: «Действительно ли ты так горячо желаешь себе потомства? Это неправда. В каком затруднительном положении ты бы оказался, если бы получил теперь известие, что ты должен ожидать потомства от известной тебе женщины? Нет, не надо потомства, — как ни нужно оно нам для отмщения». Этот протест производит свое действие тем же путем, что и

⁷ Более тщательное наблюдение несколько суживает различие между случаями *Signorelli* и *aliquis*, поскольку дело касается подставных воспоминаний. По-видимому, и во втором примере забвение также сопровождалось некоторым процессом замещения. Когда я впоследствии спросил своего собеседника, не пришло ли ему в голову, в то время как он силился вспомнить недостающее слово, что-либо другое ему на замену, он сообщил мне, что сперва испытывал поползновение вставить в стих слово *ab*: «*nostris ab ossibus*» (быть может, это оставшаяся свободной часть *a-liquis*), а затем — что ему особенно отчетливо и настойчиво навязывалось слово *exviare*. Оставаясь скептиком, он добавил: «Это объясняется, очевидно, тем, что это было первое слово стиха». Когда я попросил его обратить внимание на слова, ассоциирующиеся у него с *exoriare*, он назвал *эксорцизм*, *изгнание* дьявола. Легко себе представить, что усиление слова *exoriare* при репродукции и было в сущности равносильно образованию подставного слова. Оно могло исходить от имени святых через ассоциацию «эксорцизм». Впрочем, это тонкости, которым нет надобности придавать значения. Но весьма возможно, что всплывание того или иного подставного воспоминания служит постоянным, а может быть просто характерным, но ненадежным, признаком того, что данное позабывание тенденциозно и мотивируется вытеснением. Процесс образования подставных имен мог бы иметь место даже и в тех случаях, когда всплывание неверных имен и не совершается, и сказывался бы тогда в усилении какого-либо элемента, смежного с позабытым. Так в примере *Signorelli* у меня все то время, что я не мог вспомнить его фамилии, было необычайно ярко зрительное воспоминание о цикле фресок и о помещенном в углу одной из картин портрете художника, — во всяком случае оно было у меня гораздо интенсивнее, чем у меня бывают обычно зрительные воспоминания. В другом случае, также сообщенном в моей статье 1898 года, я безнадежно позабыл название одной улицы в чужом городе, на которую мне предстояло пойти с неприятным визитом; но номер дома запомнился мне с необычайной яркостью, в то время как обыкновенно я запоминаю числа с величайшим трудом. — *Прим. авт.*

⁸ Я не решился бы с полной уверенностью утверждать об отсутствии всякой внутренней связи между обоими кругами мыслей в примере *Синьорелли*. При тщательном рассмотрении вытесненных мыслей на тему «смерть и сексуальность» все же наталкиваешься на идею, близко соприкасающуюся с темой фресок в Орвието. — *Прим. авт.*

⁹ Репродукция — воспроизведение. Здесь: восстановление событий в памяти. — *Прим. ред.*

в примере *Синьорелли*: образуется внешняя ассоциация между одним каким-либо из числа заключающихся в нем представлений и каким-нибудь элементом опротестованного пожелания; притом на сей раз ассоциация устанавливается обходным путем, имеющим вид в высшей степени искусственный. Второй существенный пункт схождения с примером *Синьорелли* заключается в том, что протест берет свое начало в вытесненных элементах и исходит от мыслей, которые могли бы отвлечь внимание.

«В действительности искусственное словосочетание „комплекс неполноценности“ в психоанализе почти не употребляется»

На этом мы покончим с различиями и внутренним сходством обоих примеров забывания имен. Мы познакомились еще с одним механизмом забывания – нарушением хода мысли силою внутреннего протеста, исходящего от чего-либо вытесненного. С этим процессом, который представляется нам более удобопомытным, мы еще неоднократно встретимся в дальнейшем изложении.

III. Забывание имен и словосочетаний

В связи с тем, что мы сообщили выше о процессе позабывания отдельных частей той или иной комбинации иностранных слов, может возникнуть вопрос, нуждается ли позабывание словосочетаний на родном языке в существенно ином объяснении. Правда, мы обычно не удивляемся, когда заученная наизусть формула или стихотворение спустя некоторое время воспроизводится неточно, с изменениями и пропусками. Но так как позабывание это затрагивает неравномерно заученные в общей связи вещи и, опять-таки, как бы выламывает из них отдельные куски, то не мешает подвергнуть анализу отдельные случаи подобного рода ошибочного воспроизведения.

Один молодой коллега в разговоре со мной высказал предположение, что забывание стихотворений, написанных на родном языке, быть может, мотивируется так же, как и забывание отдельных элементов иностранного словосочетания, и предложил себя в качестве объекта исследования. Я спросил его, на каком стихотворении он хотел бы произвести опыт, и он выбрал «Коринфскую невесту»¹⁰ – стихотворение, которое он очень любит и из которого помнит наизусть по меньшей мере целые строфы. С самого же начала у него обнаружилась странная неуверенность. «Как оно начинается: *Von Korinthus nach Athen gezogen*, – спросил он, – или *Nach Korinthus Von Athen gezogen*?»¹¹ Я тоже на минуту заколебался было, но затем заметил со смехом, что уже самое заглавие стихотворения «Коринфская невеста» не оставляет сомнения в том, куда лежит путь юноши. Воспроизведение первой строфы прошло затем гладко, или по крайней мере без заметного искажения. После первой строки второй строфы мой коллега на минуту запнулся; вслед затем он продолжал так:

Aber wird er auch willkommen scheinen,
Jetzt, wo jeder Tag was Neues bringt?
Denn er ist noch Heide mit den Seinen
Und sie sind Christen und – **getauft**¹².

Мне уже раньше что-то резануло ухо; по окончании же последней строки мы оба были согласны, что где-то произошло искажение. И так как нам не удавалось его исправить, то мы отправились в библиотеку, взяли стихотворение Гёте¹³ и к нашему удивлению нашли, что вторая строка этой строфы имеет совершенно иное содержание, которое было как бы выкинуто из памяти моего коллеги и заменено другим, по-видимому совершенно посторонним. У Гёте стих гласит:

Aber wird er auch willkommen scheinen Wenn er teuer nicht die Gunst erkauft?¹⁴ Слово *erkauft* рифмовало с *getauft*, и мне показалось странным, что следующее далее сочетание слов «язычник», «христиане» и «крещен» так мало помогло восстановлению текста.

– Можете вы себе объяснить, – спросил я коллегу, – каким образом в этом столь хорошо, по-вашему, знакомом вам стихотворении, вы так решительно вытравили эту строку? И нет

¹⁰ «Die Braut von Korinth» – стихотворение Гёте (1798). Далее обсуждается строфа (пер. А. К. Толстого): Но какой для доброго приема От него потребуют цены? Он – дитя языческого дома, А они – недавно крещены! – *Прим. ред.*

¹¹ Придя из Коринфа в Афины или Придя в Коринф из Афин. – Прим. пер.

¹² Не будет ли он желанным гостем теперь, Когда каждый день приносит что-либо новое? Ибо он – язычник со своими родными, А они – христиане и крещены. – *Прим. пер.*

¹³ Иоганн Вольфганг фон Гёте (1749–1832) – немецкий поэт, государственный деятель, мыслитель и естествоиспытатель. – *Прим. ред.*

¹⁴ Не будет ли он желанным гостем, Если не купит милости дорогой ценой? – *Прим. пер.*

ли у вас каких-либо догадок насчет той комбинации, из которой возникла замесившая эту строку фраза?

Оказалось, что он может дать мне объяснение, хотя и сделал он это с явной неохотой: – Строка *Jetzt, wo jeder Tag was Neues bringt* представляется мне знакомой. По всей вероятности, я употребил ее недавно, говоря о моей практике, которая, как вам известно, все улучшается, чем я очень доволен. Но каким образом попала эта фраза сюда? Мне кажется, я могу найти связь. Строка *Wenn er teuer nicht die Gunst erkaufte* мне была явно неприятна. Она находится в связи со сватовством, в котором я в первый раз потерпел неудачу и которое теперь, ввиду улучшившегося материального положения, я хочу возобновить. Больше я вам не могу сказать, но ясно, что если я теперь получу утвердительный ответ, мне не может быть приятна мысль о том, что теперь, как и тогда, решающую роль сыграл меркантильный расчет.

«Я не ученый, не наблюдатель, не экспериментатор, не мыслитель. По темпераменту я не кто иной, как конкистадор – искатель приключений»

Это было для меня достаточно ясно даже и без ближайшего знакомства с обстоятельствами дела. Но я поставил следующий вопрос:

– Каким образом вообще случилось, что вы связали ваши частные дела с текстом «Коринфской невесты»? Быть может, в вашем случае тоже имеются различия религиозного характера, как и в этом стихотворении?

Где за веру спор,
Там, как ветром сор,
И любовь, и дружба сметены.

Я не угадал, но интересно было видеть, как удачно поставленный вопрос сразу раскрыл глаза моему собеседнику и дал ему возможность сообщить мне в ответ такую вещь, которая до того времени, наверное, не приходила ему в голову. Он бросил на меня взгляд, из которого видно было, что его что-то мучит и что он недоволен, и пробормотал продолжение стихотворения: *Sieh' sie an genau!*

*Morgen ist sie grau.*¹⁵

– «Взгляни на нее! Завтра она будет седой», – и добавил лаконически. – Она несколько старше меня.

Чтобы не мучить его дольше, я прекратил расспросы. Объяснение казалось мне достаточным. Но удивительно, что попытка вскрыть основу ошибки памяти должна была затронуть столь отдаленные, интимные и связанные с мучительным аффектом¹⁶ обстоятельства.

Другой пример забвения части известного стихотворения я заимствую К. Г. Юнга¹⁷ и излагаю его словами автора:

«Один господин хочет продекламировать известное стихотворение „На севере диком“¹⁸. На строке „И дремлет качаясь...“ он безнадежно запинаясь; слова „И снегом сыпучим покрыта, как ризой, она“ он совершенно позабыл. Это забвение столь известного стиха показалось мне странным, и я попросил его воспроизвести, что приходит ему в голову

¹⁵ Впрочем, здесь мой коллега несколько видоизменил это прекрасное стихотворение и по содержанию, и по смыслу. У Гёте девушка-привидение говорит своему жениху: *Schöner Jüngling! kannst nicht länger leben; Du versiechest nun an diesem Ort. Meine Kette hab' ich dir gegeben; Deine Locke nehm' ich mit mir fort. Sieh sie an genau! Morgen bist du grau, Und nur braun erscheinst du wieder dort.* Милый гость, вдали родного края Осужден ты чахнуть и завять, Цепь мою тебе передала я, Но волос твоих беру я прядь. Ты их видишь цвет? Завтра будешь сед, Русым там лишь явишься опять! – *Прим. пер.*

¹⁶ Аффект – сильное эмоциональное переживание. – *Прим. ред.*

¹⁷ Карл Густав Юнг (1875–1961) – швейцарский психиатр, основоположник аналитической психологии, автор концепций коллективного бессознательного и психотипов. – *Прим. ред.*

¹⁸ Строки из стихотворения Генриха Гейне в вольном переводе М. Ю. Лермонтова. – *Прим. ред.*

в связи с „Снегом сыпучим покрыта, как ризой“ (*mit weißer Decke*). Получился следующий ряд: „При словах о белой ризе я думаю о саване, которым покрывают покойников, – пауза, – теперь мне вспоминается мой близкий друг (его брат недавно скорпостижно умер, кажется, от удара) – он был *тоже* полного телосложения, и я уже думал, что с ним может *то же* случиться – он, вероятно, ведет малоподвижный образ жизни; когда я услышал об этой смерти, я вдруг испугался, что и со мной может случиться *то же*, потому что у нас в семействе существует склонность к ожирению, и мой дедушка *тоже* умер от удара; я считаю себя *тоже* слишком полным и потому начал на этих днях курс лечения“. Этот господин таким образом сразу же отождествил себя бессознательно с сосной, окутанной белым саваном», – замечает Юнг.

С тех пор я проделал множество анализов подобных же случаев позабывания или неправильной репродукции, и аналогичные результаты исследований склоняют меня к допущению, что обнаруженный в примерах *aliquis* и «Коринфская невеста» механизм распространяет свое действие почти на все случаи забывания. Обыкновенно сообщение таких анализов не особенно удобно, так как они затрагивают, как мы видели выше, весьма интимные и тягостные для обследуемого субъекта вещи, и я ограничусь поэтому приведенными выше примерами. Общим для всех этих случаев вне зависимости от материала остается то, что позабытое или искаженное слово или словосочетание соединяется путем той или иной ассоциации с известным бессознательным представлением, от которого и исходит действие, выражающееся в форме забвения.

Я возвращаюсь опять к забыванию имен, которого мы еще не исчерпали ни со стороны его конкретных форм, ни со стороны мотивировки. Так как я имел в свое время возможность наблюдать в изобилии на себе самом как раз этот вид дефектной работы памяти, то примеров у меня имеется достаточно. Легкие мигрени, которыми я поныне страдаю, вызывают у меня за несколько часов до своего появления, – и этим они предупреждают меня о себе, – забывание имен. А в разгар мигрени я, не теряя способности работать, сплошь да рядом забываю все собственные имена. Правда, как раз такого рода случаи могут дать повод к принципиальным возражениям против всех наших попыток в области анализа. Ибо не следует ли из таких наблюдений тот вывод, что причина забывчивости и особенно позабывание собственных имен лежит в нарушении микроциркуляции крови в большом мозге¹⁹ и его общем функциональном расстройстве и что поэтому всякие попытки психологического объяснения этих феноменов излишни? По моему мнению, – ни в коем случае. Ибо это значило бы смешивать единообразный для всех случаев механизм процесса с благоприятствующими ему условиями – непостоянными и не необходимыми. Не вдаваясь в обстоятельный разбор, ограничусь для устранения этого довода одной лишь аналогией.

Допустим, что я был достаточно неосторожен, чтобы совершить ночью прогулку по отдаленным пустынным улицам большого города. На меня напали и отняли часы и кошелек. В ближайшем полицейском участке я сообщаю о случившемся в следующих выражениях: я был на такой-то улице, и там *одиночество* и *темнота* лишили меня часов и кошелька. Хотя этими словами я и не выразил ничего такого, что не соответствовало бы истине, все же весьма вероятно, что меня приняли бы за человека, находящегося не в своем уме. Чтобы правильно изложить обстоятельства дела, я должен был бы сказать, что, *пользуясь* уединенностью места и под *покрытием* темноты, *неизвестные люди* ограбили меня. Я и полагаю, что при забывании имен положение дела то же самое: благоприятствуемая усталостью, расстройством микроциркуляции, интоксикацией неизвестная психическая сила понижает у меня способность располагать имеющимися в моих воспоминаниях собственными име-

¹⁹ Большой мозг – то же, что и кора головного мозга, анатомический субстрат всей высшей нервной деятельности. – Прим. ред.

нами, – та же самая сила, которая в других случаях может совершить это же обессиление памяти и при полном здоровье и свежести. Анализируя наблюдаемые на себе самом случаи позабывания имен, я почти регулярно нахожу, что недостающее имя имеет то или иное отношение к какой-либо теме, близко касающейся меня лично и способной вызвать во мне сильные, нередко мучительные аффекты. В согласии с весьма целесообразной практикой цюрихской школы психиатрии, я могу это выразить в такой форме: ускользнувшее из моей памяти имя затронуло во мне «личный комплекс». Отношение этого имени к моей личности бывает неожиданным, часто устанавливается путем поверхностной ассоциации (двусмысленное слово, созвучие); его можно вообще обозначить как стороннее отношение. Несколько простых примеров лучше всего пояснят его природу.

а) Пациент просит меня рекомендовать ему какой-либо курорт на Ривьере. Я знаю одно такое место в ближайшем соседстве с Генуей, помню фамилию немецкого врача, практикующего там, но самой местности назвать не могу, хотя, казалось бы, знаю ее прекрасно. Приходится попросить пациента обождать; спешу к моим домашним и спрашиваю наших дам: «Как называется эта местность близ Генуи – там, где лечебница доктора N, в которой так долго лечилась такая-то дама?» – «Конечно же, ты не должен был забыть это название. Это *Нерви*». И в самом деле, с *нервами* мне приходится иметь достаточно дела.

б) Другой пациент говорит о близлежащей дачной местности и утверждает, что кроме двух известных ресторанов там есть еще и третий, с которым у него связано некоторое воспоминание; название он мне сейчас скажет. Я отрицаю существование третьего ресторана и ссылаюсь на то, что семь летних сезонов подряд жил в этой местности и, стало быть, знаю ее лучше, чем мой собеседник. Раздраженный противоречием, он, однако, уже вспомнил название; ресторан называется *Hochwarner*. Мне приходится уступить и признаться к тому же, что все эти семь лет я жил в непосредственном соседстве с этим самым рестораном, существование которого я отрицал. Почему я позабыл в данном случае и название, и сам факт его существования? Я думаю, потому что это название слишком отчетливо напоминает мне фамилию одного венского коллеги и затрагивает во мне опять-таки, «профессиональный комплекс».

в) Однажды на вокзале в Рейхенгалле я собирался взять билет и не мог вспомнить, как называется прекрасно известная мне ближайшая большая станция, чрез которую я так часто проезжал. Приходится самым серьезным образом искать ее в расписании поездов. Станция называется *Rosenheim*. Тотчас же я сообразил, в силу какой ассоциации название это от меня ускользнуло. Часом раньше я посетил свою сестру, жившую близ Рейхенгалля; имя сестры *Роза*, стало быть, это тоже был *Rosenheim* (жилище Розы). Название было у меня похищено «семейным комплексом».

г) Прямо-таки грабительское действие семейного комплекса я могу проследить еще на целом ряде примеров.

Однажды пришел ко мне молодой человек, младший брат одной моей пациентки; я видел его бесчисленное множество раз и привык, говоря о нем, называть его по имени. Когда я затем захотел рассказать о его посещении, оказалось, что я позабыл его имя – вполне, как я помнил, обыкновенное – и не мог никак восстановить его в своей памяти. Тогда я пошел на улицу читать вывески, и как только его имя встретилось мне, я с первого же раза узнал его. Анализ показал мне, что я провел параллель между этим человеком и моим собственным братом; параллель, которая вела к вытесненному вопросу: сделал бы мой брат в подобном случае то же, или же поступил бы как раз наоборот. Внешняя связь между мыслями о чужой и о моей семье установилась благодаря той случайности, что и здесь, и там имя матери было одно и то же – Амалия. Я понял затем смысл и подставных имен, которые навязались мне, не имея отношения к делу: Даниил и Франц. Эти имена – так же, как и имя Амалии, – встречаются в шиллеровских «Разбойниках».

д) В другой раз я не мог припомнить имени моего пациента, с которым я был знаком еще с юных лет. Анализ пришлось вести длинным обходным путем, прежде чем удалось получить искомое имя. Пациент сказал однажды, что боится потерять зрение; это вызвало во мне воспоминание об одном молодом человеке, который ослеп вследствие огнестрельного ранения; с этим соединилось в свою очередь представление о другом молодом человеке, который стрелял в себя, – фамилия его та же, что и первого пациента, хотя они и не были в родстве. Но нашел я искомое имя лишь тогда, когда установил, что мои опасения были перенесены с этих двух юношей на человека, принадлежащего к моему семейству.

Непрерывный поток *самоотношения* идет, таким образом, через мое мышление. Поток, о котором я обычно ничего не знаю, но который дает о себе знать подобного рода забыванием имен. Я словно принужден сравнивать все, что слышу о других людях, с собой самим; словно при всяком известии о других приходят в действие мои личные комплексы. Это ни в коем случае не может быть моей индивидуальной особенностью; в этом заключается скорее общее указание на то, каким образом мы вообще понимаем других. Я имею основание полагать, что у других людей происходит совершенно то же, что и у меня.

Лучший пример в этой области сообщил мне некий господин Ледерер из своих личных переживаний. Во время своего свадебного путешествия он встретился в Венеции с одним малознакомым господином и хотел его представить своей жене. Фамилию его он позабыл, и на первый раз пришлось ограничиться неразборчивым бормотанием. Встретившись с этим господином вторично (в Венеции это неизбежно), он отвел его в сторону и рассказал, что забыл его фамилию и попросил вывести его из неловкого положения и назвать себя. Ответ собеседника свидетельствовал о прекрасном знании людей: «Охотно верю, что вы не запомнили моей фамилии. Я зовусь так же, как вы – Ледерер!»

«В Средние века сожгли бы меня, теперь жгут всего лишь мои книги»

Нельзя отделаться от довольно неприятного ощущения, когда встречаешь чужого человека, носящего твою фамилию. Я недавно почувствовал это с достаточной отчетливостью, когда на прием ко мне явился некий *З. Фрейд*. Впрочем, один из моих критиков уверяет, что он в подобных случаях испытывает как раз обратное.

е) Действие *самоотношения* обнаруживается также в следующем примере, сообщенном Юнгом.

«У безнадежно влюбился в одну даму, вышедшую вскоре замуж за Х. Несмотря на то, что У издавна знает Х и даже находится с ним в деловых сношениях, он все же постоянно забывает его фамилию, так что не раз случалось, что когда надо было написать Х письмо, ему приходилось справляться о его фамилии у других».

Впрочем, в этом случае забвение мотивируется прозрачнее, нежели в предыдущих примерах *самоотношения*.

Забывание представляется здесь прямым результатом нерасположения господина У к своему счастливому сопернику; он не хочет о нем знать: «Думать о нем не хочу».

ж) Иначе и тоньше мотивируется забвение имени в другом примере, разъясненном самим же действующим лицом.

«На экзамене по философии (которую я сдавал в качестве одного из побочных предметов) экзаменатор задал мне вопрос об учении Эпикура и затем спросил, не знаю ли я, кто был возобновителем его учения в позднейшее время. Я назвал Пьера Гассенди – имя, которое я слышал как раз двумя днями раньше в кафе, где о нем говорили, как об ученике Эпикура. На вопрос удивленного экзаменатора, откуда я это знаю, я смело ответил, что давно интересуюсь Гассенди. Результатом этого была высшая отметка в дипломе, но, вместе с тем, и упорная склонность забывать имя Гассенди. Думаю, что это моя нечистая совесть виной

тому, что несмотря на все усилия я теперь никак ж могу удержать это имя в памяти. Я и тогда не должен был его знать».

Чтобы получить правильное представление о той интенсивности, с какой данное лицо отклоняет от себя воспоминание об этом экзаменационном эпизоде, надо знать, как высоко оно ценит докторский диплом, и сколь многое он должен ему заменить собой.

Я мог бы еще умножить число примеров забывания имен и пойти значительно дальше в их разборе, если бы мне не пришлось для этого уже в этом месте изложить едва ли не все те общие соображения, которые относятся к дальнейшим темам; а этого я хотел бы избежать. Позволю себе все же в нескольких положениях подвести итоги выводам, вытекающим из сообщенных выше анализов.

Механизм забывания имен (точнее, ускользания, временного забвения) состоит в расстройстве предполагаемого воспроизведения имени посторонним и в данный момент неосознаваемым рядом мыслей.

Между именем, терпящим таким образом помеху, и комплексом, создающим эту помеху, либо с самого начала существует некоторая связь, либо часто эта связь устанавливается путем искусственных на вид комбинаций при помощи поверхностных (внешних) ассоциаций.

Среди расстраивающих комплексов наибольшую силу обнаруживают комплексы *самоотношения* (личные, семейные, профессиональные).

Имя, которое, имея несколько значений, принадлежит в силу этого к нескольким кругам мыслей (комплексам), нередко, будучи в связи одного ряда мыслей, подвергается расстройству в силу принадлежности к другому, более сильному комплексу.

Среди мотивов подобного расстройства ясно видно намерение избежать то неприятное, что вызывается данным воспоминанием.

В общем можно различить два основных вида забывания имен: когда данное имя само затрагивает что-либо неприятное, или же оно связывается с другим, способным оказать подобное действие. Так что расстройство репродукции какого-либо имени может обуславливаться либо самим же этим именем, либо его ассоциациями – как близкими, так и отдаленными.

Из этих общих положений мы можем понять, что в ряду случаев дефектного функционирования временное забывание имен встречается чаще всего.

Мы отметили, однако, далеко не все особенности этого феномена. Хочу указать еще, что забывание имен в высшей степени заразительно. В разговоре между двумя людьми иной раз достаточно одному сказать, что он забыл то или иное имя, чтобы его позабыл и второй собеседник. Однако там, где имя позабыто под такого рода индуцирующим влиянием, оно легко восстанавливается.

Наблюдаются также и случаи, когда из памяти ускользает целая цепь имен. Чтобы найти забытое имя, хватаешься за другое, находящееся в тесной связи с первым, и нередко это второе имя, к которому обращаешься как к опорной точке, тоже ускользает. Забвение перескакивает таким образом с одного имени на другое, как бы для того, чтобы доказать наличие труднопреодолимого препятствия.

IV. О воспоминаниях детства и прикрывающих воспоминаниях

В другой статье, опубликованной в «Ежемесячнике психиатрии и неврологии» за 1899 г. я имел возможность проследить тенденциозность наших воспоминаний в совершенно неожиданной сфере. Я исходил из того поразительного факта, что в самых ранних воспоминаниях детства обыкновенно сохраняются безразличные и второстепенные вещи, в то время как важные, богатые аффектами впечатления того времени не оставляют (не всегда, конечно, но очень часто!) в памяти взрослых никакого следа. Так как известно, что память производит определенный выбор среди тех впечатлений, которые в нее поступают, то следовало бы предположить, что этот выбор следует в детском возрасте совершенно иным принципам, нежели в пору интеллектуальной зрелости.

Однако тщательное исследование показывает, что такое предположение является излишним. Безразличные воспоминания детства обязаны своим существованием известному сдвиганию: они замещают при репродукции другие, действительно верные, впечатления, воспоминания о которых можно развить из них путем психического анализа, но которые не могут быть воспроизведены непосредственно из-за сопротивления, которое они встречают. Так как они обязаны своим сохранением не своему собственному содержанию, а ассоциативной связи этого содержания с другими, вытесненными, то их можно *с полным основанием назвать прикрывающими воспоминаниями*²⁰.

В указанной статье я только наметил, но отнюдь не исчерпал всего разнообразия отношений и значений этих прикрывающих воспоминаний. В одном подробно проанализированном там примере я показал и подчеркнул обыкновенный характер временных отношений между прикрывающим воспоминанием и прикрытым содержанием. Дело в том, что содержание прикрывающего воспоминания относилось там к самому раннему детству, в то время как те интеллектуальные переживания, которые данное воспоминание заступало в памяти и которые остались почти всецело неосознанными, имели место в более позднее время. Я назвал этот вид сдвигания *возвратным*. Быть может, еще чаще наблюдается обратное отношение, когда в памяти закрепляется в качестве прикрытия какое-либо безразличное впечатление недавнего времени, причем этим свойством оно обязано лишь своей связи с каким-либо прежним переживанием, не способным из-за противодействия быть воспроизведенным непосредственно. Такие прикрывающие воспоминания я назвал бы *предваряющими*. То существенное, что тревожит память, лежит здесь по времени *позади* прикрывающего воспоминания. Наконец, возможен – и встречается на деле – третий случай, когда прикрывающее воспоминание связано с прикрытым им впечатлением не только по своему содержанию, но и в силу смежности во времени, – это будут воспоминания *примыкающие*.

«Всякое приспособление есть частичная смерть, исчезновение частички индивидуальности»

Как велика та часть нашего запаса воспоминаний, которая относится к категории прикрывающих воспоминаний, и какую роль они играют во всякого рода невротических интеллектуальных процессах, – это проблемы, в рассмотрение которых я не вдавался там, не буду вдаваться и здесь. Мне важно только подчеркнуть, что забывание собственных имен с ошибочными припоминаниями и образование прикрывающих воспоминаний – процессы однородные.

²⁰ Чаще применяется термин заслоняющие воспоминания. – Прим. ред.

На первый взгляд, различия между этими двумя феноменами несравненно больше бросаются в глаза, нежели сходства. Там дело идет о собственных именах, здесь – о реальных впечатлениях, о чем-то пережитом в действительности или мысленно; в первом случае память явно отказывается служить, здесь же – совершает кажущуюся нам странной работу; там – минутное расстройство (ибо забытое нами только что имя могло воспроизводиться нами до того сотни раз правильно и завтра будет воспроизводиться вновь), здесь – длительное, непрерывное состояние, ибо безразличные воспоминания детства, по-видимому, способны сопутствовать нам на протяжении долгого периода жизни. Загадки, стоящие перед нами в обоих этих случаях, по-видимому, совершенно различны. Там нашу научную любознательность возбуждает забвение, здесь – сохранение в памяти. Более глубокое исследование показывает, однако, что несмотря на различие психического материала и разницу в длительности явления, точки схождения все же преобладают. И здесь, и там речь идет о дефекте в ходе припоминания; воспроизводится не то, что должно быть воспроизведено, а нечто иное, замещающее его. В случае забывания имен тоже имеется налицо известное действие памяти в форме подставных имен. Феномен прикрывающих воспоминаний в свою очередь тоже основывается на забывании других, существенных впечатлений. В обоих случаях некоторое интеллектуальное ощущение дает нам знать о вмешательстве некоего препятствия, но только это происходит в иной форме. При забывании имен мы *знаем*, что подставные имена *неверны*; при прикрывающих воспоминаниях мы *удивляемся* тому, что они вообще у нас еще сохранились. И если затем психологический анализ показывает, что в обоих случаях замещающие образования сложились одинаковым образом – путем перемещения по звеньям какой-либо поверхностной ассоциации, – то именно различия в материале, в длительности и в центрировании обоих феноменов заставляют нас в еще большей степени ожидать, что мы нашли нечто существенно важное и имеющее общее значение. Это общее положение гласило бы, что приостановка и дефектный ход репродуцирующей функции указывают нам гораздо чаще, нежели мы предполагаем, на вмешательство пристрастного фактора, на *тенденцию*, благоприятствующую одному воспоминанию и стремящуюся поставить преграду для другого.

Вопрос о воспоминаниях детства представляется мне настолько важным и интересным, что я хотел бы посвятить ему несколько замечаний, которые поведут нас за пределы сказанного выше.

Как далеко вглубь детства простираются наши воспоминания? Мне известно несколько исследований по этому вопросу, в том числе работы V. и С. Henri (1897) и Potwin'a (1901). Из них видно существование значительных индивидуальных различий. Некоторые из подвергавшихся наблюдениям относят свои первые воспоминания к шестому месяцу жизни, в то время как другие ничего не помнят из своей жизни до конца шестого и даже восьмого года. С чем же связаны эти различия в воспоминаниях детства, и какое значение они имеют? Очевидно, что для решения этого вопроса мало добыть соответствующий материал при собеседовании; необходима его обработка, в которой должно участвовать то лицо, от коего эти данные исходят.

На мой взгляд, мы слишком равнодушно относимся к фактам младенческой амнезии – утрате воспоминаний о первых годах нашей жизни, – и вследствие этого проходим мимо своеобразной загадки.

Мы забываем о том, какого высокого уровня интеллектуального развития достигает ребенок уже на четвертом году жизни, на какие сложные эмоции он способен. Мы должны были бы поразиться, как мало из этих душевных событий сохраняется обычно в памяти в позднейшие годы; тем более, что мы имеем все основания предполагать, что эти забытые переживания детства отнюдь не проскользнули бесследно в развитии данного лица; напротив, они оказали влияние, оставшееся решающим на все времена. И вот, несмотря на это

несравненное влияние они забываются! Это свидетельствует о совершенно своеобразных условиях припоминания (в смысле сознательной репродукции), до сих пор ускользавших от нашего познания. Весьма возможно, что именно позабывание детских переживаний и даст нам ключ к пониманию тех амнезий, которые, как показывают новейшие данные, лежат в основе образования всех невротических симптомов.

Среди сохранившихся воспоминаний детства некоторые представляются нам вполне понятными, другие – непонятными или странными. Нетрудно исправить некоторые ошибки по отношению к этим обоим видам. Подвергнув уцелевшие воспоминания какого-либо лица аналитическому испытанию, нетрудно установить, что поручиться за их правильность невозможно. Некоторые воспоминания искажены, неполны либо передвинуты во времени или в пространстве. Сообщения опрашиваемых лиц о том, например, что их первые воспоминания относятся, скажем, ко второму году жизни, явно недостоверны. Скоро удастся найти те мотивы, которые объясняют нам искажение и сдвигание пережитого и которые вместе с тем доказывают, что причиной этих ошибок является не простая погрешность памяти. Могучие силы позднейшей жизни оказали свое воздействие на способность припоминать переживания детства, – вероятно, те же силы, благодаря которым мы вообще так чужды пониманию этих детских лет.

Процесс припоминания у взрослых оперирует, как известно, различного рода психическим материалом. Одни вспоминают в форме зрительных образов, – их воспоминания носят зрительный характер; другие способны воспроизвести в памяти разве лишь самые скудные очертания пережитого. По терминологии Шарко²¹ их называют *аудиалы* и *кинестетики* в противоположность упомянутым выше *визуалам*. Во сне эти различия исчезают, – сны сняты нам всем преимущественно в форме зрительных образов. Но то же самое происходит и по отношению к воспоминаниям детства: они носят пластический зрительный характер даже у тех людей, чьи позднейшие воспоминания лишены зрительного элемента. Зрительное воспоминание сохраняет, таким образом, тип воспоминания младенческого. У меня лично единственные зрительные воспоминания – это воспоминания самого раннего детства: прямо-таки пластически выпуклые сцены, сравнимые лишь с театральными представлениями. В этих сценах из детских лет, верны ли они, или искажены, обычно и сам фигурируешь со своим детским обликом и платьем. Это обстоятельство представляется весьма странным; взрослые люди со зрительной памятью не видят самих себя в воспоминаниях о позднейших событиях²². Предположение, что ребенок, переживая что-либо, сосредоточивает внимание на себе и не направляет его исключительно на внешние впечатления, шло бы вразрез со всем тем, что мы знаем на этот счет.

Таким образом, самые различные соображения заставляют нас предполагать, что так называемые *ранние детские воспоминания* представляют собой не настоящий след давнишних впечатлений, а его позднейшую обработку, произошедшую в результате воздействия различных психических сил более позднего времени. Детские воспоминания индивидов, как общее правило, представляют собой прикрывающие воспоминания и имеют при этом замечательную аналогию с воспоминаниями детства народов, закрепленными в сказаниях и мифах.

Кто подвергал исследованию по методу психического анализа целый ряд лиц, тот накапливал в результате этой работы богатый запас примеров прикрывающих воспоминаний всякого рода. Однако сообщение этих примеров в высшей степени затрудняется указанным выше характером отношений, существующих между воспоминаниями детства и позднейшей жизнью. Чтобы уяснить значение того или иного воспоминания детства в качестве

²¹ Жан-Мартен Шарко (1825–1893) – французский врач-психиатр, учитель З. Фрейда. – *Прим. ред.*

²² Утверждаю это на основании некоторых справок, собранных мною. – *Прим. авт.*

прикрывающего воспоминания, нужно было бы нередко изобразить вею позднейшую жизнь данного лица. Лишь редко бывает возможно, как в следующем прекрасном примере, выделить из общей связи одно отдельное воспоминание.

Молодой человек 24 лет сохранил следующий образ из пятого года своей жизни. Он сидит в саду дачного дома на своем стульчике рядом с теткой, старающейся научить его распознавать буквы.

Различие между *m* и *n* не дается ему, и он просит тетку объяснить ему, чем отличаются эти буквы одна от другой. Тетка обращает его внимание на то, что буква *m* имеет на один элемент больше, чем *n*: у нее есть дополнительная третья черточка. Не было никакого основания сомневаться в достоверности этого воспоминания; но свое значение оно приобрело лишь впоследствии, когда обнаружилось, что оно способно взять на себя символическое представительство иного рода любознательности мальчика. Ибо, подобно тому, как ему тогда хотелось узнать разницу между буквами *m* и *n*, так впоследствии он старался узнать разницу между мальчиком и девочкой. Наверно, он согласился бы, чтобы его учительницей была именно эта тетка. И он действительно нашел, что разница несколько аналогична: у мальчика тоже на одну часть больше, чем у девочки. К тому времени, когда он узнал это, у него и пробудилось воспоминание о соответствующем детском вопросе.

На одном только примере я хотел бы показать, какой смысл благодаря аналогичной обработке может получить детское воспоминание, до того не имевшее, казалось бы, никакого смысла. Когда я на 43 году жизни начал уделять внимание остаткам воспоминаний моего детства, мне вспомнилась сцена, которая давно уже (мне казалась – с самых ранних лет) время от времени приходила мне в голову и которую на основании достаточных признаков следовало бы относить к исходу третьего года моей жизни. Мне виделось, как я стою, плача и требуя чего-то, перед ящиком, дверцу которого держал открытой мой старший (на 20 лет) сводный брат; затем, вдруг, вошла в комнату моя мать, красивая, стройная, как бы возвращаясь с улицы.

Этими словами я выразил виденную мною пластическую сцену, о которой я больше ничего не мог бы сказать. Собирался ли брат открыть или закрыть ящик (когда я первый раз сформулировал это воспоминание, я употребил слово «шкаф»), почему я при этом плакал, какое отношение имел к этому приход матери, – все это было для меня темно. Я склонен был объяснить эту сцену тем, что старший брат чем-нибудь дразнил меня, и это было прервано приходом матери.

*«Голос интеллекта тих, но он не устает повторять – и слушатели
находятся»*

Такие недоразумения в сохранившейся в памяти сцене из детства не редки: помнишь ситуацию, но в ней нет надлежащего центра; не знаешь, на какой из ее элементов должно пасть психическое ударение. Аналитический разбор вскрыл предо мной совершенно неожиданный смысл картины. Я не находил матери, ощутил подозрение, что она заперта в этом ящике или шкафу, и потому потребовал от брата, чтобы он открыл ого. Когда он это сделал и я убедился, что матери в ящике нет, я начал кричать. Это тот момент, который закреплен в воспоминании и за которым последовало успокоившее мою тревогу или тоску появление матери. Но каким образом пришла ребенку мысль искать мать в ящике? Сбившиеся мне в то же время сны смутно напоминали мне о няньке, о которой у меня сохранились еще и другие воспоминания. О том, например, как она неукоснительно требовала, чтобы я отдавал ей мелкие деньги, которые я получал в подарок, – деталь, которая в свою очередь может претендовать на роль воспоминания, прикрывающего нечто позднейшее. Я решил облегчить себе на тот раз задачу истолкования и расспросить мою мать – теперь уже старуху – об этой няньке. Я узнал многое, в том числе, что она, умная, но нечестная особа, во время родов моей матери

совершила у нас в доме большие покражи и по настоянию моего брата была предана суду. Это указание прояснило мне сразу, словно каким-то озарением, смысл рассказанной выше сцены. Внезапное исчезновение няньки не было для меня безразличным; я обратился как раз к этому брату с вопросом о том, где она, вероятно заметив, что в ее исчезновении он сыграл какую-то роль. Он ответил мне уклончиво, играя словами, как это он любит делать и сейчас: «Ее заперли в ящик». Ответ этот я понял по-детски, буквально, но прекратил расспросы, потому что ничего больше добиться не мог. Когда немного времени спустя я хватился матери и не смог ее найти, я заподозрил брата в том, что он сделал с ней то же, что и с нянькой, и заставил его открыть мне ящик. Я понимаю теперь, почему в передаче этого зрительного воспоминания детства подчеркнута худоба матери: мне должен был броситься в глаза ее вид только что выздоровевшего человека. Я на два с половиной года старше родившейся тогда сестры, а когда я достиг трехлетнего возраста, прекратилась наша совместная жизнь со сводным братом.

V. Обмолвки

В то время как обычный материал нашей разговорной речи на родном языке представляется огражденным от забывания, он тем не менее подвержен другому расстройству, известному под названием обмолвок²³. Явление это, наблюдаемое у здорового человека, производит впечатление подготовительной ступени для так называемой *парафазии*, наступающей уже при патологических условиях.

В данном случае я имею возможность в виде исключения пользоваться (и воздать должное) подготовительной работой: в 1895 году филолог Мерингер и психиатр Майер опубликовали работу под заглавием «Обмолвки и ошибки в чтении». Точка зрения, с которой они разбирают вопрос, выходит за пределы моего рассмотрения. Ибо один из авторов, от имени которого и ведется изложение, — языковед и взялся за исследование с точки зрения лингвиста, желая найти правила, по которым совершаются обмолвки. Он надеялся на основании этих правил заключить о существовании «известного духовного механизма... в котором звуки одного слова, одного предложения и даже отдельные слова связаны и сплетены между собою совершенно особым образом».

Авторы группируют собранные ими примеры обмолвок сперва с точки зрения чисто описательной, разделяя их на *обмены* (например, *Milo von Venus* вместо *Venus von Milo*); *предвосхищения*, или *антиципации* (*es war mir auf der Schwest... auf der Brust so schwer*); *отзвуки*, или *постпозиции* (*Ich fordere Sie auf, auf das Wohl unseres Chefs aufzustoßen* вместо *anzustoßen*); *контаминации* (*Er setzt sich auf den Hinterkopf*, составленное из *Er setzt sich einen Kopf auf* и *Er stellt sich auf die Hinterbeine*); *подстановки* (*Ich gebe die Präparate in den Briefkasten* вместо *Brütkasten*)²⁴. К этим главным категориям надо добавить еще некоторые, менее существенные или менее важные для наших целей. Для этой группы безразлично, подвергаются ли перестановке, искажению, слиянию или тому подобным изменениям отдельные звуки, слоги или целые слова задуманной фразы.

Для объяснения наблюдавшихся им обмолвок Мерингер постулирует различие психической интенсивности произносимых звуков. Когда мы иннервируем²⁵ первый звук слова, первое слово фразы, тогда же процесс возбуждения обращается уже и к следующим звукам и следующим словам, а поскольку эти иннервации совпадают по времени, они могут взаимно влиять и видоизменять одна другую. Возбуждение психически более интенсивного звука предваряет прочие или, напротив, происходит позже и расстраивает таким образом более слабый иннервационный процесс. Вопрос сводится лишь к тому, чтобы установить, какие именно звуки являются в том или ином слове наиболее интенсивными. Мерингер говорит по этому поводу: «Для того чтобы установить, какой из звуков, составляющих слово, обладает наибольшей интенсивностью, достаточно пронаблюдать свои собственные переживания при отыскании какого-либо забытого слова, например, имени. То, что воскресло в памяти прежде всего, обладало наибольшей интенсивностью во всяком случае до утраты... Высокой интенсивностью отличаются, таким образом, начальный звук корневого слога, начальный звук слова и, наконец, та или те гласные, на которые падает ударение».

Я не могу здесь воздержаться от одного возражения. Принадлежит начальный звук слова к наиболее интенсивным элементам или нет, но во всяком случае неверно, что при забывании слов он восстанавливается в сознании первым. Указанное выше правило, таким

²³ То же, что «оговорка по Фрейду». — Прим. ред.

²⁴ Разбор примеров см. далее. — Прим. ред.

²⁵ Иннервировать — здесь: инициировать в головном мозге какой-нибудь психический процесс; в данном случае произнесение слов. — Прим. ред.

образом, неприменимо. Когда наблюдаешь себя за поисками позабытого имени, довольно часто случается выразить уверенность, что это имя начинается с такой-то буквы. Уверенность эта оказывается ошибочной столь же часто, сколь и обоснованной. Я решился бы даже утверждать, что в большинстве случаев буква указывается неправильно. В нашем примере с *Синьорелли* начальный звук и существенные слоги исчезли в подставных именах; и в имени *Боттичелли* воскресла в сознании как раз менее существенная часть – *elli*. Как мало зависят подставные имена от начальных звуков исчезнувших имен, может показать хотя бы следующий пример. Как-то раз я тщетно старался вспомнить название той маленькой страны, столица которой *Монте-Карло*. Подставные имена гласили: *Пьемонт, Албания, Монтенегро, Колико*.

Албанию быстро сменила Черногория (*Монтенегро*), и тогда мне бросилось в глаза, что сочетание – *монт-* имеется во всех подставных именах, кроме одного лишь последнего. Это облегчило мне задачу исходя из имени князя *Альбера*²⁶ найти забытое *Монако*. *Колико* приблизительно воспроизводит последовательность слогов и ритм забытого слова. Если допустить, что психический механизм, подобный тому, какой мы показали в случаях забывания имен, играет роль и в случаях обмолвок, то мы будем на пути к более глубокому пониманию этого последнего явления.

Расстройство речи, обнаруживающееся в форме обмолвки, может быть вызвано влиянием другой составной части той же речи: *предвосхищением* того, что последует далее, или отзвуком уже сказанного, или другой формулировкой в пределах той же фразы или той же мысли, которую собираешься высказать. Сюда относятся все заимствованные у Мерингера и Майера примеры. Но расстройство может произойти и путем, аналогичным тому процессу, какой наблюдается в примере *Синьорелли*: в силу влияний, посторонних данному слову, словосочетанию или предложению, влияний, идущих от элементов, которые высказывать не предполагалось, и о возбуждении которых узнаешь только по вызванному ими расстройству. Одновременность возбуждения – вот то общее, что объединяет оба вида обмолвок. Разница заключается в нахождении внутри либо вне данного предложения или словосочетания. На первый взгляд, различие представляется не столь большим, каким оно оказывается затем с точки зрения некоторых выводов из симптоматологии данного явления. Но совершенно ясно, что лишь в первом случае есть надежда сделать из феномена обмолвок вывод о существовании механизма, связывающего отдельные звуки и слова так, что они взаимно влияют на способ их произношения; то есть вывод, на который и рассчитывал при изучении обмолвок лингвист. В случаях расстройства, вызванного влияниями, стоящими внеданной фразы или словосочетания, необходимо было бы, прежде всего, найти расстраивающие элементы, а затем встал бы вопрос, не может ли механизм этого расстройства также обнаружить предполагаемые законы образования речи.

«Задача сделать человека счастливым не входила в план сотворения мира»

Нельзя сказать, чтобы Мерингер и Майер не заметили возможности расстройства речи силою «сложных психических влияний», элементами, находящимися вне данного слова, предложения или словосочетания. Они не могли не заметить, что теория психической неравноценности звуков, строго говоря, может удовлетворительно объяснить лишь случаи нарушения отдельных звуков, таких как как *предвосхищения* и *отзвуки*. Где расстройство не ограничивается отдельными звуками, а простирается на целые слова, как это бывает при *подстановках* и *контаминациях*, там и они, не колеблясь, искали причину обмолвок *вне*

²⁶ Альбер I (1848–1922) – 11-й князь Монако (1889–1922) из династии Гримальди. – Прим. ред.

задуманного словосочетания и подтверждали это прекрасными примерами. Приведу следующие фрагменты.

«Р. рассказывает о вещах, которые он в глубине души считает свинством (*Schweinerei*). Он старается, однако, найти мягкую форму выражения и начинает: „*Dann aber sind Tatsachen zum Vorschein gekommen...*“ Мы с Майером были при этом и Р. подтвердил, что он думал именно о свинстве. То обстоятельство, что слово, о котором он подумал, выдало себя и вдруг прорвалось при произнесении *Vorschein*, достаточно объясняется сходством обоих слов²⁷».

«При *подстановках*, так же как и при *контаминациях*, но только, вероятно, в гораздо большей степени играют роль „летучие или „блуждающие словесные образы. Если они и находятся за порогом сознания, то все же в действенной близости к нему; они могут с легкостью вызываться каким-либо сходством комплекса, подлежащего высказыванию, и тогда порождают „схождение с рельсов“ или врезаются в произносимые фразы. „Летучие“ или „блуждающие“ словесные образы часто являются, как уже сказано, запоздалыми спутниками недавно протекавших словесных процессов (*отзвуками*)».

«Схождении с рельсов» возможно также и благодаря сходству: когда другое – схожее – слово лежит близко к порогу сознания, *но не предназначается к произнесению*. Это бывает при подстановках. Я надеюсь, что при проверке мои правила должны будут подтвердиться. Но для этого необходимо (если наблюдение производится над другим человеком) *уяснить себе все, что только ни думал говорящий*. Приведу поучительный пример. Директор училища Д. сказал в нашем обществе: «*Die Frau würde mir Furcht Einlagen*». Я удивился, так как фраза показалась мне неясной. Я позволил себе обратить внимание говорившего на его ошибку (*einlagen* вместо *einjagen*), на что он тотчас же ответил: «Да, это произошло, потому что я думал *ich wäre nicht in der Lage*²⁸».

«Другой случай. Я спросил Ш., в каком состоянии его больная лошадь. Он ответил: „*Ja, das draut... dauert vielleicht noch einen Monat*“. Откуда взялось *draut* с его – *r*- для меня было непонятно, ибо – *r*- из *dauert* не мог оказать такого действия. Я обратил на это внимание Ш., и он объяснил, что думал при этом „*es ist eine traurige Geschichte*“²⁹. Говоривший, таким образом, имел в виду два ответа, и они смешались воедино».

Нельзя не заметить, как близко подходит к условиям наших анализов и то обстоятельство, что принимаются в расчет «блуждающие» словесные образы, лежащие за порогом сознания и не предназначенные к произношению, и предписание осведомляться обо всем, что думал говорящий. Мы тоже отыскиваем бессознательный материал и делаем это тем же путем с той лишь разницей, что путь, которым мы идем от того, что приходит в голову опрашиваемого, к отысканию расстраивающегося элемента, – более длинный и ведет через комплексный ряд ассоциаций.

Остановлюсь еще на другом интересном обстоятельстве, о котором свидетельствуют примеры, приведенные у Мерингера. По мнению самого автора, сходство какого-либо слова в задуманном предложении с другим, не предполагавшимся к произнесению, дает этому последнему возможность путем искажения, смешения, компромисса (*контаминации*) дойти до сознания данного субъекта.

В моей книге «Толкование сновидений» (1900) я показал, какую роль играет процесс *уплотнения* в образовании так называемого явного содержания сна из латентных, скрытых, мыслей. Какое-либо вещественное или словесное сходство между двумя элементами бессоз-

²⁷ Непереводимая игра слов: в словосочетании *zum Vorschein gekommen* (проявились) слог – *schein* заменен словом *Schwein* (свинья). – Прим. пер.

²⁸ *Die Frau würde mir Furcht Einlagen* – «эта женщина внушила бы мне страх». *Ich wäre nicht in der Lage* – «я был бы не в состоянии». – Прим. пер.

²⁹ *Ja, das dauert vielleicht noch einen Monat* – «да, это продлится, возможно, еще месяц». *Es ist eine traurige Geschichte* – «это печальная история». – Прим. пер.

знательного материала служит поводом для создания третьего – смешанного или компромиссного – представления, которое в содержании сна представляет оба слагаемых и которое в виду этого своего происхождения так часто отличается противоречивостью отдельных своих черт.

Образование *подстановок* и *контаминаций* при обмолвках и есть, таким образом, начало той работы по *уплотнению*, которую мы наблюдаем в полном ходу при построении сна.

В небольшой статье «Как можно оговориться», предназначенной для широкого круга читателей, Мерингер устанавливает особое практическое значение некоторых случаев обмолвок. А именно тех, при которых какое-либо слово заменяется противоположным ему по смыслу. «Вероятно, все помнят еще, как некоторое время тому назад председатель австрийской палаты депутатов *открыл* заседание словами: „Уважаемое собрание. Я констатирую наличность стольких-то депутатов и объявляю заседание *закрытым*“. Общий смех обратил его внимание на ошибку, и он исправил ее. В данном случае это можно скорее всего объяснить тем, что председателю хотелось иметь уже возможность действительно закрыть заседание, от которого можно было ожидать мало хорошего; эта сторонняя мысль, – что бывает часто, – прорвалась хотя бы частично, и в результате вместо *открытия* получилось *закрытие* – прямая противоположность тому, что предполагалось сказать. Впрочем, многочисленные наблюдения показали мне, что противоположные слова вообще очень часто подставляются одно вместо другого. Они вообще тесно сплетены друг с другом в нашем сознании, лежат в непосредственном соседстве одно с другим и легко произносятся по ошибке».

Не во всех случаях «контрподмен» так же легко показать, как в примере с председателем, вероятность того, что обмолвка произошла вследствие своего рода протеста, который заявляется в глубине души против высказываемого предложения. Аналогичный механизм мы нашли ранее, анализируя пример *aliquis*. Там внутреннее противодействие выразилась в забвении слова вместо замены его противоположным. Для устранения этого различия заметим, однако, что словечко *aliquis* не обладает таким антиподом, каким являются по отношению друг к другу слова *закрывать* и *открывать*, и что слово *открывать*, как весьма общепотребительное, не может быть позабыто.

Если последние примеры Мерингера и Майера показывают нам, что расстройство речи может происходить как под влиянием звуков и слов той же фразы, предназначенных к произнесению, так и под воздействием слов, которые находятся за пределами задуманной фразы *и иным способом не обнаружили бы себя*, то перед нами возникает, прежде всего, вопрос, возможно ли резко разграничить оба эти вида обмолвок и как отличить случаи одной категории от другой. Здесь уместно вспомнить о словах Вундта³⁰, который в своей только что вышедшей в свет работе о законах развития языка рассматривает среди прочего и феномен обмолвок. Что, по мнению Вундта, всегда присутствует в этих явлениях и других, им родственных, – это определенные психические влияния. «Сюда, прежде всего, относится как благоприятствующее обстоятельство ничем не стесняемое течение *звуковых и словесных ассоциаций*, вызванных произнесенными звуками. В качестве отрицательного момента к нему присоединяется отпадение или ослабление воздействий воли, стесняющей это течение, и внимания, также выступающего здесь в качестве волевой функции. Проявляется ли эта игра ассоциаций в том, что *предвосхищается* предстоящий еще звук, или же репродуцируется уже произнесенный, или врезается какой-либо посторонний, но привычный, или в том, наконец, что на произносимые звуки оказывают свое действие совершенно иные слова, находящиеся с ними в ассоциативной связи, – все это означает лишь различие в направлении

³⁰ Вильгельм Максимилиан Вундт (1832–1920) – немецкий врач, физиолог и психолог, основатель экспериментальной психологии. – *Прим. ред.*

и, конечно, различие в том, каким простором пользуются происходящие ассоциации, но не в их общей природе. И во многих случаях трудно решить, к какой форме причислить данное расстройство и не следует ли с большим основанием, следуя *принципу наложения причин* считать его следствием совпадения нескольких мотивов».

Я считаю замечания Вундта вполне обоснованными и чрезвычайно поучительными. Быть может, можно было бы с большей решительностью, чем это делает Вундт, подчеркнуть, что благоприятствующий момент в словесных ошибках (беспрепятственное течение ассоциаций) и негативный момент (ослабление стесняющего его внимания) действуют всегда совместно, так что оба момента оказываются лишь различными сторонами одного и того же процесса. С ослаблением стесняющего внимания и приходит в действие беспрепятственное течение ассоциаций или, выражаясь еще категоричнее, *по причине* этого ослабления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.